

УДК 94

К. А. Ксензов,
социально-экономический факультет,
Омская гуманитарная академия
Научный руководитель: д-р филос. наук, проф. В. Г. Пузиков

Отступление французов как испытание патриотической риторики в контексте событий Отечественной войны 1812 года

Аннотация. В статье на примере ключевого этапа кампании 1812 г. — отступления Великой армии Наполеона из Москвы — анализируется реальное содержание патриотического дискурса. Статья призвана продемонстрировать, что отступление французской армии, вопреки устоявшимся представлениям, не стало однозначным триумфом общенационального патриотического порыва, а выявило его сложную, во многом противоречивую природу.

Ключевые слова: образ, представление, Наполеон, Кутузов, Отечественная война, отступление армии, патриотизм, Великая армия.

Отечественная война 1812 г. традиционно рассматривается в историографии как триумф народного патриотизма и единения всех сословий Российской империи перед лицом иноземного врага. Однако более пристальное изучение источников и свидетельств современников позволяет выявить существенно более сложную и противоречивую картину. На основе мемуаров, дневниковых записей и официальных документов можно проследить парадоксальное сочетание официальной риторики о «враге Отечества» с одновременным сохранением в среде русского командования и элиты профессиональным восхищением полководческим талантом Наполеона. Особое внимание следует обратить на вопросы мотивации различных социальных групп, от генералитета и дворянства до крестьянства, чьи истинные побуждения далеко не всегда соответствовали каноническому образу «народной войны».

Пребывание Наполеона в Москве в сентябре 1812 г. могло стать кульминацией военной кампании, однако последовавшее отступление определялось комплексом стратегических и политических причин, не связанных исключительно с военными действиями на российском театре. Ф. В. Ростопчин в своем письме Александру I от 8 сентября предсказывал: «Бонапарт уйдет... когда он [Кутузов] будет всего менее ожидать того... возвратится в Париж властителем Смоленска и разрушителем Москвы и приготовится к другому походу на будущий год» [2, с. 217]. Несмотря на теоретическую возможность такого маневра, Наполеон не мог долго оставаться вдали от Франции, где обостри-

лась внутриполитическая обстановка и созревал заговор против императора. Кроме того, затяжной характер кампании в России, огромные расстояния и примененная русскими тактика «выжженной земли» создали проблемы снабжения Великой армии.

Примечательно, что Наполеон имел реальную возможность организовать зимовку в Москве. Генерал Дедем отмечал, что запасов овса в городе хватило бы для прокорма 20 тыс. лошадей в течение полугода [2, с. 214]. Капитан Куанье и мемуарист Боссе подтверждают изобилие продовольствия и товаров в уцелевших складах и погребах [2, с. 214–215]. Тем не менее император принял стратегическое решение об отступлении, чему способствовал и категорический отказ Александра I от мирных переговоров, выраженный в готовности «отступать до Камчатки».

При этом формируемый официальной пропагандой образ «врага Отечества» не всегда соответствовал реальному отношению к противнику со стороны как военных, так и гражданского населения. Ярким примером служат события под селом Красным в ноябре 1812 г., где, по свидетельству генерала Маевского, Кутузов, опасаясь решительного сражения, запретил войскам перекрывать дорогу отступавшему Наполеону, заявив: «...идет дело с [не]обыкновенным человеком... Мы имеем дело с Наполеоном! А таких воинов, как он, нельзя остановить без ужасной потери» [3, с. 56–57]. Партизанский командир Денис Давыдов отмечал: «Неприятель, увидя шумные толпы наши... гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколь-

ко ни покушались мы оторвать хотя бы одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов!» [1, с. 113–114].

Кульминацией отступления стала знаменитая переправа через Березину в конце ноября 1812 г. Военный теоретик Карл фон Клаузевиц, находившийся при русской армии, констатировал: «Никогда не встречалось столь благоприятного случая, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле» [6, с. 9]. Несмотря на катастрофическое положение, Наполеон сумел избежать полного окружения и разгрома. Историк Д. П. Бутурлин писал о Наполеоне: «Видя себя в положении, может быть, самом бедственном... великий полководец сей не потерял присутствия духа... Измерив оком гения всю великость опасности... действия его в сем важном обстоятельстве превыше всякой похвалы» [7, с. 177–178].

При этом восхищение военным гением Наполеона эмоционально уходило даже в сатирические формы и, в противовес, яркую критику русского командования. Жозеф де Местр иронизировал: «Если бы Наполеон командовал русскими, то уже, конечно, взял бы в плен самого себя» [4, с. 241]. Наталия Нарышкина, дочь московского генерал-губернатора Ростопчина, резко критиковала Кутузова за нерешительность при Березине: «Вечная слава доблестным французам... и позор сему старцу (Кутузову — прим. автора)...», видя в действиях Наполеона пример «смелости и хладнокровия» [5, с. 186].

Анализ источников показывает, что патриотический подъем в российском обществе оказался во многом поверхностным и неоднородным, как в военной, так и в гражданской среде. При этом среди дворянства преобладали довольно прагматичные мотивы: многие помещики отправляли крестьян в ополчение, рассчитывая получить за невернувшихся рекрутские квитанции, которые затем выгодно продавались. Современник отме-

чал слова одной помещицы: «Я отдала 26 человек, и на мою беду все возвратились. Какое несчастье!» [2, с. 232].

Крестьянство же, в массе своей, не испытывало сознательной ненависти к французам и часто оказывало им помощь. Капитан Великой армии Комб, капитан Куанье и врач Руа свидетельствуют о многочисленных случаях, когда русские крестьяне предоставляли французам пищу и укрытие, спасали от отрядов казаков. Д. П. Рунин, член российского библейского общества, метко подмечал: «Патриотизм тут был ни при чем. Русский человек защищал не свои политические права. Он воевал, чтобы истребить хищных зверей, пришедших пожрать его овец и кур», что вполне логично, поскольку отсутствие политических прав у большей части населения страны приводило к отсутствию возможности их защиты.

После изгнания наполеоновских войск патриотическая риторика быстро сменилась прошениями о восстановлении ущерба, причем того, который был причинен русской армией из соображения «не оставлять ничего противнику». Московские дворяне, например, массово подавали прошения о компенсации убытков, причем некоторые требования включали возмещение, например, за «4 кувшина для сливок» или «новые чулки и шемизетки». Расследование часто показывало, что имущество было разграблено не французами, а самими москвичами.

Таким образом, отступление Наполеона из России не стало однозначным триумфом народного патриотизма. Отношение к врагу оставалось сложным и противоречивым, сочетая официальную враждебность с профессиональным восхищением полководческим талантом Наполеона, а патриотические настроения элиты зачастую оказывались формальными и прагматичными. Подлинно народный характер войны носила лишь в той мере, в какой крестьяне защищали свое хозяйство от мародеров, в то время как идеи государственного патриотизма оставались для них во многом чуждыми в условиях крепостнической системы.

1. Давыдов Д. Дневник партизана. — СПб. : Азбука, 2012. — 384 с.
2. Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. — М., 2018. — 312 с.
3. Маевский С. И. Мой век. 1793–1826. — М. : Кучково поле, 2016. — 288 с.
4. Местр Ж. де. Петербургские письма (1803–1817). — СПб. : : ИНАПресс, 1995. — 335 с.
5. Нарышкина Н. Ф. 1812 год, граф Ростопчин и его время. — СПб. : Петрополис, 2016. — 591 с.
6. Понасенков Е. Н. Правда о войне 1812 года // RoyalLib : [сайт]. — М., 2013. — URL: https://royallib.com/book/ponasenkov_evgeniy/pravda_o_voyne_1812_goda.html (дата обращения: 25.10.2025).
7. Полевой Н. А. Наполеон в России в 1812 году. — М. : Изд. А. А. Петровича, 1905. — 384 с.